

Мы не спрашивали разрешения

Более 20 лет Густав и Мария Мушкет приглашают на отдых в свой гостеприимный дом в пригороде Варшавы еврейских детей из стран бывшего СССР, окружая их заботой и вниманием. Мы говорим с этими искренне верующими людьми о Польше — стране с непростой еврейской историей и о том, как семья Мушкет пришла к пониманию своей миссии в этом мире.

— Густав, ваше детство пришлось на 1960-е, когда от довоенной 3,5-миллионной еврейской общины Польши оставались жалкие крохи. Приходилось сталкиваться с еврейским вопросом, да и просто с евреями в повседневной жизни?

— В нашем городке — я жил тогда в Скорухе, на юге страны — было несколько семей, чьи фамилии звучали очень по-еврейски. В 1968-м они все исчезли буквально в течение нескольких недель. На вопрос, что произошло, я слышал один ответ: уехали. Родители не особо распространялись по этому поводу, чтобы я не сболтнул лишнего в школе, поскольку честный ответ звучал как: их вынудили уехать. Почти 30 000 евреев было выброшено из Польши в ходе антисемитской кампании Гомулки.

— И как соседи-поляки воспринимали все это? Они еще помнили довоенную Польшу с ее самым большим в Европе еврейским населением и Польшу послевоенную, где коммунисты еврейского происхождения играли огромную роль.

— Надо понимать, что Польша очень неоднородна. В наших краях, недалеко от чешской границы, треть населения были евреями, треть католиками и треть составляли лютеране. Я из лютеранской семьи (в стране сегодня примерно 80 000 лютеран, — М.Г.), у которой были добрососедские отношения с евреями, да и в регионе в целом антисемитизм ощущался не столь остро. Что касается кампании 1968 года по разоблачению «империалистическо-сионистской пятой колонны» — это был политический шаг. Первый секретарь ЦК ПОРП решил избавиться от евреев, и все приняли это как данность. Жаль, что приняли, что позволили этому произойти, но таковы факты. Вместе с тем в Скорухе до сих пор заботятся о еврейских кладбищах, на месте синагоги, разобранной во время войны, есть памятный знак...

— Воспринимались ли евреи после войны как носители чуждой власти? Ведь из триумvirата Берут — Берман — Минц, управлявшего страной до середины 1950-х, поляком был только Берут...

— Это правда, как и разговоры о том, что многие офицеры СБ имели еврейское происхождение. Но кампания 1968-го была продиктована не реакцией общества на действия власти, а желанием самой власти избавиться от евреев. В любом случае сегодня не это определяет отношение к евреям, большинство поляков их в глаза не видели — 10 тысяч евреев на 38 млн

поляков — не о чем говорить. Но некий страх остался — перед тем, что евреи окажутся лучше, умнее, способнее...

— Какова роль церкви в польско-еврейских отношениях? Вопрос не праздный, поскольку, в отличие от СССР, церковь в Польше всегда — даже в коммунистическую эпоху — была очень влиятельна.

— Трудный вопрос. И до войны, и в годы Холокоста католическая церковь — крупнейшая в Польше — запятнала себя антиеврейскими настроениями. Хотя множество монахов спасали евреев в то время — об этом тоже нельзя забывать.

Я не католик, поэтому мне трудно судить. Что касается лютеранства, то первоначальное отношение Мартина Лютера (отца Реформации, чье имя дало название этому течению протестантизма) к евреям мне очень импонирует, но нельзя забывать и о его резко антисемитских взглядах в конце жизни. Взглядах, на которые Гитлер опирался в своей «еврейской» политике (не случайно «Хрустальную ночь» нацисты приурочили к празднованию дня рождения Лютера). Конечно, и среди наших прихожан были люди, отдавшие жизнь за спасение евреев, но церковь как институт сделала недостаточно. Отрадно, что сегодня многое меняется в церкви к лучшему.

— Как лютеранину — приходилось ли вам чувствовать себя не стопроцентным поляком, как это нередко случалось с польскими евреями?

«Сионистов — в Израиль», митинг на одном из предприятий, 1968

— Я родился в относительно многонациональном регионе, где и чехи, и евреи, и, разумеется, поляки-лютеране чувствовали себя стопроцентными поляками. То, что это не совсем так, мне дали понять, когда я оказался в Центральной Польше. «Ты что, не католик?» На юге таким вопросом никогда не задавались — мы все были разными и в то же время все были поляками.

Безусловно, в некоторых районах Польши евреи иногда символизировали чужака, но были и примеры добрососедства — часто польские дети знали идиш, до сих пор некоторые поляки могут спеть еврейские песни.

— Когда вы почувствовали потребность что-то сделать для евреев как народа...

— В 1973 году мы с группой христианской молодежи были в Варшаве, молились, читали Библию, а в субботу, в святой для евреев день — шабат — вспомнили об избранном народе. Вспомнили и решили действовать — прошло всего пять лет после кампании 1968 года, синагога была закрыта,

большинство евреев уехали, остальные вели нееврейский образ жизни. И тут, узнав, что молодежь из Клуба католической интеллигенции идет убирать еврейское кладбище, мы к ним присоединились. Там нам повезло встретить директора Еврейского исторического института, шаг за шагом мы все больше узнавали о евреях, потом варшавская община пригласила нас на Песах — это было скорее культурное мероприятие, чем традиционный ритуал. Завязалась дружба, после того, как синагогу вернули, мы приводили ее в порядок, вообще, помогали, чем могли.

— И как к этому относились власти социалистической Польши?

— В этом не были заинтересованы ни власть, ни церковь, но разрешения мы не спрашивали, все делалось неофициально. Были моменты, когда я ждал стука в дверь, размышляя, окажусь ли на высоте в случае ареста. Впрочем, и сегодня мы действуем неофициально, будучи фермерами — абсолютно частными людьми, ведущими свое хозяйство. У нас много друзей и в Польше, и за рубежом, но это наши личные друзья и, как и 40 лет назад, мы не скрываем, чем занимаемся, но и не очень рекламируем это.

— Но соседи наверняка знали о «еврейской» стороне вашей жизни?

— В самых общих чертах. В деревне под Варшавой, где мы живем сегодня, в годы войны тоже много чего происходило. 30 лет назад мы купили там дом — у женщины, дядя которой со своей женой во время войны спасли еврейского мальчика — пара была бездетна. Они погибли вместе с этим ребенком... Когда принималось решение поселиться в этой деревне, нам было очень важно, что там жили люди, готовые отдать жизнь за еврейского ребенка.

— Вы называли своих пятерых детей еврейскими именами, чтобы они хоть немного почувствовали, что значит быть евреем в Польше. Они почувствовали?

— Начну с того, что дочь не хотели регистрировать как Эстер — этого имени не было в списках. Только после моего замечания, что это имя из Святого писания, чиновница пошла навстречу. Кстати, когда пришла пора идти в школу, одна учительница буквально умоляла нас отдать Эстер именно в ее класс — как выяснилось, эта женщина очень хорошо относилась к евреям и Израилю — мы до сих пор с ней общаемся.

Лишь однажды наш сын Давид — уже будучи студентом Политехнического института, столкнулся с профессором-антисемитом. Тот буквально третировал сына, хотя парень был очень хорошим студентом, просто его действительно приняли за еврея.

В любом случае позитивных моментов было намного больше, и еврейские имена для наших детей — это в первую очередь Божье благословение, а потом уже некие трудности.

— Густав, какое впечатление на польское общество производят книги, подобные «Соседям» Яна Томаша Гросса (о погроме в Едвабне) или «Городам смерти» Мирослава Трычика (об акциях по истреблению евреев поляками)? Наверное, очень сложно принять, что твой дед принимал участие в чем-то, чем нельзя гордиться...

— Людям очень трудно вспоминать и говорить об этом. Но с другой стороны — нельзя об этом не говорить. Издание этих книг — часть процесса очищения, в рамках которого мы должны сказать: да, это было, и это было ужасно — наши предки виноваты. Этот процесс еще не охватил всю страну, но он идет, книги выходят — эти темы можно поднимать в современной Польше. Чтобы перевернуть черные страницы истории, надо признать их существование — на лжи и иллюзиях фундамент новых отношений не заложить.

Многие до сих пор не хотят признать, что часть поляков помогала нацистам в решении «еврейского вопроса». Да, кто-то спасал евреев, но другие их убивали или просто ждали, пока нацисты сделают свою работу, чтобы разграбить еврейские дома. Остались свидетельства, есть имена конкретных преступников — это еще живая проблема. Но многое меняется к лучшему, молодежь хочет знать, как случилось то, что случилось. Новое поколение открыто истории — спустя 70 лет после войны это может показаться запоздалым интересом, но такова жизнь — раньше это была табуированная тема. Понятно, что с разных точек зрения история выглядит по-разному, но для начала надо признать факты, а потом строить фундамент для нормального диалога.

— И вам это удастся в полной мере — причем, не только в Польше, но и в Украине. Когда вы впервые оказались в нашей стране?

— С начала 1990-х годов мы приглашали еврейских детей из Беларуси погостить и отдохнуть у нас и однажды почувствовали, если хотите — услышали свыше, что наш долг — обратить внимание и на Волынь. Это ведь тоже очень непростая страница истории, правда, не польско-еврейских, а польско-украинских отношений, но требующая того же подхода — признания горьких фактов, а потом налаживания диалога. Впрочем, политикой мы не занимались, а просто помолились и поехали в Луцк — это был 1998 год, — мы просто шли по центру города и спрашивали у людей, где находится еврейская община. Так и познакомились с тогдашним председателем, чудесным человеком — Исааком Долинским, который был поражен, услышав, что мы хотим пригласить еврейских детей из Луцка погостить в Польше. Практическую работу по формированию группы взял на себя Александр Гайдар — наш большой друг, ныне исполнительный директор Религиозного объединения общин Прогрессивного иудаизма Украины. Тогда мы приняли группу из Луцка, потом из Ровно, Львова, Киева, других городов...

— Ребята, с которыми я говорил, были, без преувеличения, в восторге от приема, им оказанного...

Еврейские дети из Киева в гостях у семьи Мушкет, 2015

— Дети из первых групп даже не знали, что такое ТаНаХ, и нам, как христианам — людям, получившим Святое писание от избранного народа, — было очень важно «вернуть» его евреям. Мы были едва ли не первыми, кто показывал им Тору, рассказывал об Израиле, пел на иврите, прививал любовь к Святой земле и вере в бога Авраама, Исаака и Якова. Сегодня все по-другому, группы приезжают со своими учителями, дети хорошо подготовлены, многие учатся в еврейских школах, тем не менее работы на наш век хватит. Например, летом этого года мы надеемся увидеть у себя еврейских детей из зоны АТО и сказать им «Добро пожаловать!». Верю, что так и будет.

Беседовал Михаил Гольд